

МАМУРА, КРОКОДИЛ, ИЛИ СКОЛЬКО ЛЕТ РОССИИ?

(к годовщине Великого посольства)

Европа – не только страна святых чудес, она еще страна революций, человеческих катаклизмов, геополитических переворотов. Иные катаклизмы назревают; люди их ждут, предчувствуют, хоть и не верят в них до конца, – таков был самый страшный из них: крушение Римской империи; иные – являются как гром среди ясного неба. Именно такой нечаемый переворот начался 310 лет назад. Европу он изменил больше, чем испанская реконкиста, голландская или французская революции.

Весной 1697 года из Москвы в Западную Европу отправился большой обоз. До Риги (это уже была Швеция, граница проходила по реке Плюссе) доехало около тысячи подвод. Дальше число людей и лошадей сильно сокращается, но все равно народу едет много, человек этак 250-300 (все же Москву в связи с этим делом покинуло около четырехсот человек). И денег везут много: десятую часть государственного бюджета большой страны с не вполне устоявшимся именем. Если вексель учесть, то и больше.

Это было посольство, ехавшее будто бы для укрепления союза христианских народов (Австрии, Польши, Венеции и одной не совсем ясно поименованной страны со столицей в Москве) против Турции. На самом деле цель у посольства была совершенно иная. Несколько заострив характеристики, можно признать чинное, степенное и бородатое это посольство – набегом. Ехали грабить – хоть и не убивать; грабить в рамках закона и чуть-чуть за пределами этих рамок, шпионить; вывезти собирались – и вывезли – нечто дороже золота. Остроумец и любитель парадоксов Герцен – хоть и не совсем этими словами – сказал: не будь этого посольства, не было бы Пушкина. Мы добавим: значит – и России (потому что какая же Россия без Пушкина?). И еще добавим, собравшись с духом: не было бы большевизма, гражданской войны 1918-21 годов, Гулага, Второй мировой войны, Освенцима и Хиросимы... Конечно, в этом месте нас одернут, скажут: мы хватанули, через край взяли, заострили характеристики до абсурда. Но абсурд иной раз полезен. Тут он к тому же не совсем абсурд, а только поэтический оксиморон. Вместо перечисленных ужасов, можно не сомневаться, случились бы другие, но этих – и в самом деле могло не произойти. Ход истории был бы другим.

За чем ехали?

Ехали за знанием. За книгами, чертежами и английской подошвенной кожей. За наукой и ее материальными носителями. За пилами (сто продольных, тридцать поперечных) и компасами. За оружием холодным (шпаги) и огнестрельным (тысячи фузей, 30 пушек, 24 мортиры, 12 гаубиц), за мумией крокодила для кунсткамеры (в отличие от пил и мортир, мумия и кунсткамера не планировались), за арапчатами (они тоже не планировались; в посольстве были карлы, а в Западной Европе уже вошли в моду арапы). Ехали за китовым усом для *флюгелей* (от ста до трехсот фунтов) и за гарусом для знамен: белым, голубым и красным гарусом для первого русского

триколора (если цвета читать сверху вниз, получается БГК, а если снизу вверх – КГБ). В Европе в ту пору было только одно трехцветное знамя: голландское, революционное; Петр еще-не-Великий видел его в Архангельске. Русскому знамени предстояло стать вторым и тоже революционным: *ознаменовать* петровскую революцию. А революция подразумевает расправы. По сравнению с Петром, если говорить о жестокости, Робеспьер и Ленин ягнтями кажутся. Первой его покупкой в Европе стала мамура (палаческий топор).

Ехали за языками. Номинальный глава посольства, Франсуа (Франц Яковлевич) Лефорт, родом был швейцарец, европеец, и языки знал. Фактический глава посольства, волонтер Петр Михайлов, он же царь Петр, ехавший инкогнито (о чем знала вся Европа), мог объясняться по-голландски, но преимущественно о делах корабельных, как это в 1698 году отметит его собеседник, английский король Вильгельм III (владевший девятью языками). Еще Петр изъяснялся на нижне-саксонском наречии – благодаря своей подруге из Немецкой слободы Анне Монс. Будущий первый русский академик (он же светлейший князь, генералиссимус и т.п.), корреспондент Ньютона Александр Меншиков бойко говорил по-немецки (давно при Петре состоял) и, кажется, читал по-русски, но писать ни на одном языке не умел и так никогда и не научился, даже подписать свою рисовал. Большинство же членов посольства нуждалось в переводчиках. В Москве западных языков практически не знали. Восточным веяниям страна была веками настежь открыта, оттуда шло родное, своё; даже слова *книга*, *язык*, *хоругвь* – тюркские. Запад же нужно было осваивать вопреки этому родному. В Амстердаме Петр основательно подучил голландский на верфи и в тавернах, в Гааге брал уроки немецкого у «иноземца» Ильи Федоровича Копиевского (1651-1714), книжника-белоруса (по другому счету – поляка), осевшего на Западе. Первые русские светские книги тоже были отпечатаны в Голландии, но уже после возвращения посольства. Почему в Голландии? Потому что в Москве тиснению подлежало только слово божие. Петру приходилось преодолевать сопротивление церкви.

Еще ехали специалистов нанимать. Главным образом моряков: капитанов («которые бы сами в мотрозах бывали»), боцманов, штурманов, лекарей, коков. Наняли около тысячи человек, больше всего – шведов, датчан, голландцев и немцев. Почему не голландцы на первом месте? Петра видим с топором в руках на верфи голландской Ост-Индской компании. В Амстердаме была главная остановка посольства. По сей день все русские морские термины – голландского происхождения. Голландка была на волосок от того, чтобы стать Англией – и править над волнами от Канады до Австралии. Но волосок уже превратился в трос (слово, естественно, голландское); шанс, а с ним и весь мир, был упущен, инициатива перешла к Англии. Петр, отправляясь в путь, не знал этого. Для него первыми морскими державами были Голландия и Венеция (в ту пору – средиземноморская империя). Голландию он заочно любил в Москве (а потом в Петербурге), не разлюбил и в Амстердаме в ходе посольства, но – горько разочаровался в голландских кораблестроителях. Когда фрегат «Св. апостолы Петр и Павел», заложенный компанией специально для Петра-плотника, был спущен на воду, Петр-царь, отработав свое и набравшись живого опыта, захотел прикоснуться к теории, и тут выяснилось, что теории у голландцев нет: «на чертеже показать не умеют», строят «с долговременной практики». Петр так рассвирепел, что специальным указом в Воронеж сместил всех тамошних голландцев, строивших Азовский флот, с руководящих должностей: отдал эти должности венецианцам, шведам, датчанам. А за чертежами поехал в Англию, где нашел их в изобилии.

Ехали, иначе говоря, за наукой во всех ее формах, но еще – и за развлечениями. С них, собственно, и началось: с мечты двадцатилетнего царя увидеть страну святых чудес. Идею ему Лефорт подсказал. Сейчас это имя только с тюрьмой связано, а тогда для России оно обернулось выходом из векового заточения. Сам-то Франц Яковлевич очень хотел с родственниками повидаться, потому и подталкивал Петра. Чувствовал, что долго не протянет. Он же придумал этот трюк: царь, путешествующий инкогнито. Будь царь официальным главой посольства, развлечения бы не состоялись.

Московия (уже иногда именуемая Россией, но в иных сочинениях – еще и Северо-Восточной Татарией) возвращалась в Европу. В Европе ее знали и понимали куда меньше, чем Османскую империю. Нанимаемые специалисты не догадывались об одной ее особенности: это была черная дыра; путь из нее домой был практически закрыт. Специалистов не отпускали. Бежать удавалось

немногим. Ловить беглецов было необычайно просто; человек в иностранном платье, с нерусским выговором был на виду в любом городе или селе. Страна веками стояла спиной к Западу, ненавидела латинскую ересь – и каждый москвит, видя чужого, норовил донести.

Почему ехали?

Ехали сперва по суше, но где только можно было – водой. Петр, случалось, сам стоял у штурвала. Ехали – *за морем*, за выходом к морю. Английская шлюпка, найденная мальчишкой-царевичем в Преображенском, во многом определила судьбы Европы. Царевич в ходе своих детских потех полюбил воду, и вышло так, что эта потеха, эта детская любовь совпала с первостепенным государственным интересом. Армия (гвардия) тоже, как мы знаем, выросла из потешных полков, но шлюпка оказалась важнее.

Еще царевна-регентша Софья обязалась перед Священной лигой (Австрией, Польшей и Венецией) выступить против крымских татар, вассалов Турции, с которой лига воевала. Софья, тоже западница не хуже Петра, о море не думала, хотела от набегов заслониться.

Петр, едва начав править, нашел выход своей (говоря современным языком) гиперактивности: в 1695 году осадил Азов. Осада не удалась. В 1696 году он повторил попытку. Опять всё пошло плохо. Крепость казалась неприступной. Не удавалось разрушить угловой бастион. Не помог весь опыт генерала Патрика Гордона, шотландца. Не помогли бранденбургские специалисты. Но вот на театр военных действий прибыли приглашенные Петром австрийские минеры, инженеры и канониры, числом тринадцать. Прибыли 11 июля; 16-го бастион был разрушен; 18-го начались переговоры о сдаче крепости. Можно себе вообразить впечатление, которое это произвело на Петра. Что не удавалось полтора года, удалось за неделю. Скорей, скорей в страну святых чудес!

Азов потом пришлось отдать – после катастрофы на Пруте в 1711 году. (Почему турки не уничтожили тогда окруженную русскую армию? не взяли в плен Петра?) Но Азов так или иначе не открывал Москве выхода в международные воды. Мешали Крым, Керчь и Константинополь. Отправляясь в Европу в ореоле покорителя Азова, царь мог уже понимать, что этот путь – слишком длинный, если небезнадежный. В ходе посольства, сперва в Пруссии, затем в Англии, у него созревает мысль перенаправить свою избыточную энергию с юга на север, с Турции на Швецию.

Дипломатия: провал и успех

Официальная миссия московского посольства с треском провалилась. Европа как раз спешила помириться с исламом. Разгромив турок под Зентой в 1697 году, Австрия заключила с Османской империей мир на Карловицком конгрессе. Другие страны лиги, включая Россию, – тоже. В качестве наблюдателя, на правах союзников, под Зентой присутствовали русские представители. Победа эта – на счету Евгения Савойского, единственного полководца нового времени, которого почитал Наполеон.

Россией Московия стала как раз в этот момент: после возвращения посольства в Москву в 1698 году. Заметим, что слово *Россия* было новым не только для Европы, но и для самих москвитов: впервые оно было написано кириллицей в 1517 году. До этого употреблялось только в Византии, но не по отношению к Московии, а по отношению к днепровской Руси (и еще поселок в византийском Крыму назывался почему-то Ρωσία).

Успехом же было то, что в ходе посольства стал складываться союз Москвы с Бранденбургом (Пруссией) и Польшей, составлявшей тогда, под Августом II, одно государство с Саксонией. Союз против Швеции. Последовала Северная война, поражение под Нарвой, победа под Полтавой, основание Петербурга и долгожданный выход к морю. На западе Северную войну называют иначе: Великая северная война. Еще бы! Со Швецией как с великой державой (ужасом Германии

в Тридцатилетнюю войну) было покончено в одночасье, навсегда. Вместо нее на востоке начала вырисовываться новая великая держава.

Вся тяжесть Северной войны легла на Петра и его подданных (которых царь не щадил). Ему же досталась и вся слава, и прозвище Великий, и титул императора. Август II Сильный (он подковы гнул) в войне этой оказался слабым, Карл XII справился с ним быстро, а Петр после первых поражений не отступился, реорганизовал армию, захватил и удержал значительную часть шведской Прибалтики. Правда, в ходе *этой же* Северной войны, после вмешательства Турции, был потерян Азов (и срыт Таганрог), но нельзя приобретать, не теряя.

Главный успех... Успех?

Любое посольство, ехавшее заключать государственные договоры, называлось в Московии великим; до Петра великих посольств было с полдюжины; но только это стало Великим с прописной буквы. В ходе посольства возникла Россия. Идея России (зародившаяся еще при Иване III) начала материализоваться. И мамура, и чучело крокодила, и микроскоп Левенгука, не говоря о книгах, капитанах и мортирах, – всё, что вывезено посольством, – уже Россия. России, стране с этим именем, – в точном смысле слова – всего 310 лет. К Древней Руси она имеет примерно такое же отношение, как Болгария – к Казани: болгары ведь оттуда, но разве они те же? Преемственность Москвы с государством Владимира и Ярослава была разорвана на долгие века; язык и нравы изменились; этнос переродился. Возводить одно к другому – историческая спекуляция.

Не то что при Хмельницком, а и при Петре – у Московии на имя *Россия* было меньше прав, чем у Речи Посполитой, владевшей собственно русскими землями. Московия была наследницей Орды, не Киевской Руси. Так это понимал Запад до начала XIX века. «Поскоблите русского – найдете татарина» – эти слова звучат, как курьез, как шутка, которую приписывают Наполеону. Но в каждой шутке есть доля шутки. Байронов «Дон Жуан» писан после Наполеона; в седьмой песне, где речь идет о взятии Суворовым Измаила, русские опять названы татарами (строфа XIX), и едва ли для рифмы. (В той же песне – занятный и поучительный перечень европейцев, сражавшихся на стороне «татар»; их было много, очень много; в 1790 году новая Россия уже стала европейской империей.)

Успех Великого посольства был ошеломляющий, непредставимый. На реформы Петра, повторим слова Герцена, Россия ответила Пушкиным. Но Пушкин (самый европейский поэт Европы, по справедливому наблюдению Владимира Вейдле) Европе невнятен; его значение, неотрывное от его звучания, ей недоступно, никогда не откроется в той мере, как нам, русским. Зато нет европейской культуры без Толстого и Достоевского, Чайковского и Шостаковича; они пребудут в ее сердцевине до ее конца, если таковой наступит. В культурном отношении молодое государство за двести лет совершило нечто небывалое.

Однако ж на реформы Петра Россия ответила еще и большевизмом. Марксизм тут служил всего лишь маской, личиной. Не в нем, как теперь ясно, состояло главное, сколь бы искренне первые большевики ни верили, что строят рабоче-крестьянское государство, свободное от эксплуатации. Не случайно большевизм слинял за одну ночь. Сущностью большевистского переворота был изоляционизм: московитский, ордынский, *китайский* изоляционизм. (Не забудем, что хоть только на словах, не на деле, а всё же в бытность свою автономной областью Орды – Московия номинально управлялась из Пекина.) Изоляционизм и антиевропеизм. Окно в Европу было замуровано так, что и щелочки не осталось. Эмиграцию приравняли к измене родине. Это была антипетровская революция.

Нацизм, натянув логические вожжи до предела, тоже можно косвенно связать с итогами Великого посольства. Нацизм не от большевизма произошел, но ожесточение свое черпал на востоке. Сто раз сказано – и сказано верно: нацизм и большевизм – близнецы-братья, они от одного корня. Это было умопомрачение рабов свободы, людей, испугавшихся демократии. Но и взаимодействовали эти режимы по-братски: сперва любили друг друга (военная мощь Третьего рейха, тут уже нельзя спорить, готовилась в сталинском СССР – *против Запада*), учились друг у друга (уже сквозь взаимную ненависть), союз о ненападении заключили, а затем возненавидели

друг друга открыто и тоже чисто по-братски. Именно братские народы и режимы воюют на полное уничтожение.

А что сейчас? Окна и двери размурованы. Стенка снесена. Езжай куда хочешь. Миллионы разъехались, чего никогда не бывало. При слове *ностальгия* только усмеваются. Что же, Петр вернулся? На первый взгляд, да. Но что-то очень ордынское продолжает присутствовать в теперешнем московском режиме. На внешнеполитической арене Россия ведет себя скорее как большевистский СССР, чем как Россия петербургского периода. Главной отличительной чертой политики внутренней является полное презрение и к достоинству, и самой жизни рядовых граждан – как в худшие времена Московии. Опричнина и Гулаг приняли другие формы: невозможно не видеть их и в чеченской бойне, в убийствах Политковской и Литвиненко.

Конечно, *второй взгляд* на то, что происходит сегодня, бросим не мы. Тут наши правнуки разберутся. Может, в этом странном гибриде Европы и Азии борются сейчас петербургское и московское начало, а что на поверхности – кроме полукрытой границы – присутствует только московское (Путин, конечно, до мозга костей москвич), так это абберрация зрения, неизбежная у современников. Может быть. Отложим это. Мы ведь, собственно, другим заняты. Берем общую картину европейской цивилизации, страны святых чудес, – и видим: 310 лет назад начался в ней колоссальный переворот. Не знаем только, к добру или ко злу. Не знаем и знать не будем.